

ДИАЛОГ В НАУКЕ И ОБЩЕСТВЕ

А.Н. ОЛЕЙНИК

Научная коммуникация на стыке парадигм

Любой ученый, знакомый с огромным массивом научной литературы, не может не признать, что даже в рамках конкретной дисциплины отсутствует "эсперанто", или понятный для каждого члена научного сообщества язык. Такое отсутствие взаимопонимания имеет несколько объяснений. Во-первых, ему способствует не- или мультипарадигмальная природа ряда наук, прежде всего – социальных, включая и экономическую теорию. Представители разных парадигм не используют одну и ту же методологию, а зачастую – одни и те же данные. Они говорят на разных языках, используя свой собственный категориальный аппарат. Иными словами, к научному общению вполне применим вывод Л. Виттгенштейна о "вписанности" любого языка, в том числе научного, в определенные сообщества и социальные группы [Kripke 1982, p. 106–111].

Во-вторых, отсутствие в не- и мультипарадигмальных науках общепринятых критериев значимости достижений и признания, а также невозможность быть в курсе достижений всех "школ" научной мысли ввиду ограниченности способностей, обуславливают концентрацию внимания ученых в первую очередь на происходящем внутри своих научных школ и сетей. Выходящее за их пределы приобретает ценность лишь как объект для возможной критики [Collins, 1998, ch. 2].

Наконец, отмечу идеологизированный характер отдельных научных направлений и школ, будь то марксизм, превратившийся в советском варианте в предмет веры, а не рационального знания, или либерализм, особенно в российском варианте. По оценке Дж. Стиглица, "старые идеологии левых и идеологии правых имеют много общего. И те и другие зачастую полагаются на религиозный пыл, а не на рациональный анализ" [Stiglitz, 1994, p. 3].

Учитывая, что трудности и конфликты, характерные для научных дискуссий, обусловлены не только доброй или недоброй волей их участников, а имеют под собой вполне определенные институциональные основания, представляется разумным попытаться придать им более цивилизованный характер. В этой связи приемлемый ориентир может быть найден в стандартах судебных разбирательств [Олейник, 2006, с. 55]. В самых общих чертах аналогия научной дискуссии с судебным разбирательством предполагает:

- конфликтный характер соотнесения позиций сторон (ведь при существующей институциональной организации науки конфликты неизбежны);

- осознание того факта, что истина носит не абсолютный, а относительный характер. Примечательно, что идея вероятности напрямую увязывалась Вольтером с идеей юстиции и судебных разбирательств. Ее формулирование совпало во времени с первыми шагами в формировании независимой судебной системы [Voltaire, 2006];

– сопоставление аргументов сторон и вынесение их на суд присяжных, роль которых исполняют читатели и/или свидетели публичного обмена мнениями. Как и в судебном разбирательстве, до вынесения вердикта должен соблюдаться паритет сторон в донесении своего мнения до присяжных (например, равные возможности для публикации и/или одинаковое время, выделяемое для реплик).

Дискуссия о теореме Коуза, начатая Р. Капелюшниковым [Капелюшников, 2006] после выхода учебника по институциональной экономике для магистров под моей редакцией [Институциональная... 2005], дает прекрасную возможность для апробования новых стандартов ведения научных споров. В конечном счете, логика самой теоремы предполагает симметричную постановку вопросов и состязательность сторон в борьбе за ряд правомочий, в частности за право на запрещение вредного использования ресурса. Прежде чем обсуждать, что нужно сделать для достижения предложенных стандартов на практике, представляется необходимым четко сформулировать исходную позицию защиты. В учебнике было подчеркнуто, что существует несколько трактовок теоремы Коуза. Та трактовка, на которую ссылается Капелюшников (основное внимание в ней уделено транзакционным издержкам и спецификации прав собственности), является одной из нескольких и описывает не общий, а частный случай взаимодействий, сопровождающихся внешними эффектами. Иными словами, речь идет об уточнении действительного места "транзакционной" трактовки теоремы Коуза в системе мультипарадигмального знания.

Мультипарадигмальная наука как аналог "коммунальной квартиры"

Метафора коммунальной квартиры представляется применимой к случаю не- или многопарадигмальной науки. "Коммуналка – прежде всего странное сообщество непонятно по какому принципу вынужденных вместе проживать людей. Соседи здесь не связаны ни общей сферой трудовой деятельности, как в общежитии, ни недугом, как в больнице, ни возрастом, как в детском доме, ни даже преступлением, как в тюрьме" [Лебина, 1999, с. 183]. Действительно, представители каждой из парадигм имеют свой порядок значимого, свой "язык" и свою методологию. Например, представители неоклассической экономической теории используют в своем анализе методологию позитивизма [Friedman, 1968], сторонники марксистской политической экономии – диалектический метод восхождения от абстрактного к конкретному [Ильенков, 1960], а социэкономисты следуют принципам деонтологии [Etzioni, 1988]. Даже критерии валидности (*validity*) и надежности (*reliability*) обладают спецификой и зависят от конкретной парадигмы [Bryman, Teevan, 2005, p. 56–58, 148–149]. Элементарные арифметические операции как, например сложение, тоже имеют конвенциональный характер: для их корректного использования и правильной интерпретации требуется членство в научном сообществе, в рамках которого действуют соответствующие соглашения: знак "+" является именно знаком, интерпретировать который можно по-разному [Kripke, 1982, p. 8–11].

Деятельность ученых обычно ограничивается рамками одной парадигмы. Так, даже если брать случай неортодоксальных экономистов, то есть тех, кто работает за пределами неоклассического научного пространства, то по состоянию на 2007 г. менее каждого пятого из них участвуют в работе более чем одной профессиональной ассоциации. Иными словами, работа более 81% из них тоже не выходит за рамки одного научного пространства, будь то марксизм, кейнсианство или эволюционная экономика [Lee, 2007]. Объяснение этому факту следует искать, с одной стороны, в усиливающейся специализации и фрагментации научного знания, с другой – во "вписанности" научных парадигм в сети персонифицированных отношений между конкретными учеными: научные школы, "кружки", реальные и виртуальные "мастерские" и т.д. (см., в частности, [Олейник, 2002; 2004]). Вот, к примеру, как Р. Коллинз определяет научную школу: "Сеть личностных отношений, из которых наиболее важную роль играют отношения между учителями и их учениками" [Collins, 1998, p. 65].

Автономия научных пространств не предотвращает конфликты между порядками значимого, характерных для каждого из них. "Социальная структура интеллектуального пространства... предполагает непрерывную борьбу между сетями, образованными учеными, каждая из которых аккумулирует эмоциональную энергию и культурный капитал, за право находиться в ограниченном числе центров внимания" [Collins, 1998, p. 14]. По мнению Коллинза, находиться в центре научных дискуссий в той или иной дисциплине, скажем экономике, одновременно могут не более трех-шести школ. Остальные вытесняются на "периферию" внимания коллег вне зависимости от того, насколько интенсивны и креативны взаимодействия *внутри* этих сетей. В результате роста внимания к одной из парадигм возникают негативные внешние эффекты для ее оппонентов: их "язык" никто, кроме них самих, изучать не хочет, да и их внутренние дискуссии оказываются "загрязнены" чуждыми, но популярными концептами. Отсюда – неизбежность конфликтов. Укорененность парадигм в сетях придает этим конфликтам персонифицированный характер, ведь за каждым из аргументов оппонент видит конкретных людей, находящихся "по ту сторону" границы между пространствами.

Конфликты *между* представителями парадигм обостряются ввиду того, что за пределами сетей отсутствуют гарантии соблюдения каких-либо прав или выполнения минимальных, но общепризнанных правил ведения дискуссии. *Внутри* парадигм эти права и правила соблюдаются в обмен на лояльность, но этот механизм не действует в случае конфликтов *между* парадигмами [Олейник, 2004]. Минимизация использования насилия – как в физической¹, так и в символической формах – при решении конфликтов *между* представителями парадигм возможна при нахождении "общего знаменателя".

Первым из таковых является математика, точнее – математический язык как конвенциональное средство научного общения. Выражение идей математическим языком позволяет представителям разных парадигм понимать друг друга. Конечно, при математическом переводе, или "конвертации" идей происходит потеря части информации. Но именно математизация ряда парадигм позволила им избежать маргинализации в научном дискурсе. В экономических науках доминирующие позиции неоклассической теории не в последнюю очередь объяснимы активным использованием математических моделей, язык которых понятен не только тем, кто разделяет постулаты этой парадигмы [Либман, 2007].

Второй, альтернативный математическому, "общий знаменатель" в научных коммуникациях – особым образом структурированный текст. Именно к этому сводится выявление общих закономерностей гуманитарного мышления – тех, что существуют вне зависимости от конкретной парадигмы. Оно было начато М. Бахтиным и продолжено рядом других ученых, в частности В. Библером. Последний сформулировал задачу-максимум как "открытие основ гуманитарного мышления, понятого в его действительной, онтологически значимой *всеобщности*" (курсив мой. – А.О.) [Библер, 1991, с. 8].

На практике гуманитарное решение проблемы поиска общего знаменателя означает выработку и соблюдение определенных правил, канонов написания научного текста. Эти правила прежде всего направлены на сохранение его диалогического характера и отражение не только позиции автора (производной от конкретной парадигмы), но и взглядов на ту же самую исследовательскую проблему с позиций других парадигм (см., в частности, [Григорьев, 2004]). Наиболее близким к идеальному типу полифонического текста в литературе Бахтин считал творчество Ф. Достоевского. "Не множество харак-

¹ В ситуациях крайнего обострения конфликтов в научной среде насилие может переходить из символической в физическую форму. Так произошло, например, в конфликте между докторантом и его научным руководителем, который весьма критически отнесся к решению ученика обратиться в диссертации к конкурирующей теории. Поставленный перед перспективой быть не допущенным до защиты, докторант решает открыть стрельбу на заседании кафедры в Университете в ноябре 1991 г., убив пятерых, включая научного руководителя, и превратив в инвалида еще одного преподавателя. Эта история легла в основу художественного фильма "Темное дело".

теров и судебных в едином объективном мире в свете единого авторского сознания развертывается в его произведениях, но именно *множественность равноправных сознаний с их мирами* сочетается здесь, сохраняя свою неслиянность, в единство события" [Бахтин, 1979, с. 6–7].

На структурном уровне реализация требования диалогичности или полифоничности предполагает использование таких методов, как синкриза, или "сопоставление различных точек зрения на определенный предмет" и анакриза, или "способы вызывать, провоцировать слова собеседника, заставляя его высказывать свое мнение" [Бахтин, 1979, с. 127]. Эмпирически оценить степень полифоничности той или иной статьи можно через сопоставление количества ссылок на источники, написанные в рамках различных парадигм. При использовании таких электронных баз данных, как ISI Web of Knowledge, а также техник кластерного анализа, подобная задача технически разрешима.

Еще одна характеристика полифоничного текста – фокусирование внимания не на персоналиях, а на выдвигаемых ими аргументах. Если персонификация дискуссий, как было показано, обусловлена "укорененностью" (*embeddedness*) парадигм и теорий в социальные сети, то деперсонификация, наоборот, позволяет обеспечить свободу действий одного и того же ученого в нескольких парадигмальных пространствах.

Кроме того, для достижения идеала полифоничности требуется признание за участниками дискуссии, как очной, так и заочной, неких минимальных прав *вне* зависимости от их "парадигмальной принадлежности", например права на ответ или запрет на использование внешних по отношению к науке ресурсов, таких как административные или финансовые. Последнее условие подразумевает необходимость *аргументированного* отказа от публикации того или иного текста на страницах научного журнала, причем ссылка на анализ с позиций конкурирующей парадигмы не должна рассматриваться в качестве приемлемого аргумента, если при этом автор сопоставляет несколько парадигм. Без признания этих минимальных "правил игры", то есть правил ведения дискуссии, стимулы к отражению в научном тексте множества измерений одной и той же исследовательской проблемы будут существенно ослаблены.

О том, насколько далеко находится нынешняя ситуация с признанием минимальных прав участника дискуссии от описанных выше параметров, причем не только в России, но и на Западе, свидетельствуют результаты мини-экспертного опроса, проведенного мною в апреле 2007 г. среди четырех редакторов академических экономических журналов, публикуемых в США. Среди них – два бывших главных редактора одного из ведущих журналов институциональной направленности – *Journal of Economic Issues*². Этот журнал, как и большинство других академических журналов на Западе, имеет постоянную рубрику "Заметки и сообщения", в которой обычно размещаются комментарии и критика ранее опубликованных статей.

Всем экспертам было задано два вопроса: существуют ли какие-либо общепризнанные права и обязанности в отношениях между автором статьи, автором критического комментария на эту статью и редактором журнала? является ли излишняя персонификация аргументов проблемой в научных дискуссиях и если да, как оценить степень персонификации? Некоторые выдержки из любезно предоставленных ответов заслуживают дословного воспроизведения:

"Насколько мне известно, не существует никаких писанных или общепринятых правил в подобного рода взаимодействиях... Часто в комментариях работа указывается по имени автора, но это не является переходом на личности. В то же время, в некоторых коммен-

² В 2003 г. его "фактор влияния" (*impact factor*), рассчитываемый с помощью анализа числа ссылок на публикации в этом журнале в электронной базе данных ISI Web of Knowledge, составлял 0,373. Согласно этому показателю, наиболее влиятелен среди экономических журналов – *Journal of Economic Literature* (5,243); он опережает ближайшего преследователя по этому показателю более чем в два раза. Для сравнения: *Journal of Mathematical Economics* – 0,367, *International Review of Law and Economics* – 0,440, *Economics of Transition* – 0,367, *Cambridge Journal of Economics* – 0,217.

тариях атаки на автора заходят слишком далеко, в таком случае я возвращала их для доработки, если критик рассчитывает на серьезное к ним отношение".

"Я с пониманием отношусь к описанным дилеммам. Но я боюсь, что ответ на оба вопроса будет отрицательным – за исключением оговорки, что от редакторов ожидается соблюдение в разумной степени профессионального и личного этикета. Конечно же, журналам следует уделять основное внимание концепциям и идеям, а не индивидам, стоящим за ними... Меня всегда удивляло что *American Economic Review* при рассылке при- сланных для рассмотрения текстов не скрывает от рецензентов имен авторов"³.

«Автор статьи, наверное, не имеет "права" на публикацию ответа на критические заметки... Но он, конечно, может надеяться на соблюдение профессионального этикета, если представляется, что аргумент был неправильно истолкован или критик перешел на личности».

Получается, что институциональная организация не- и много-парадигмальной науки имеет – даже в рамках одной и той же дисциплины – несколько слабо связанных между собой интеллектуальных пространств. Конфликты возникают как *внутри* каждого из пространств, так и на границах *между* ними, причем для последних характерна особенная острота. Для разрешения конфликтов последнего типа требуется поиск "общего знаменателя", то есть языка, понятного представителям различных парадигм. На сегодняшний день известны, как минимум, две версии такого языка – математическая и "гуманитарная" (последняя заключается в особом образом структурированном научном дискурсе, что позволяет отражать различные точки зрения на исследовательскую проблему в рамках одного и того же текста). К сожалению, "гуманитарная" версия общенаучного языка пока находится на ранней стадии эволюции. Для иллюстрации я сначала проанализирую в этом ключе текущую дискуссию о теореме Коуза, а затем сделаю попытку очертить параметры текста о теореме Коуза, отвечающего требованиям полифонического стандарта.

Пример анализа дискуссии

Решение выбрать для анализа дискуссию, в которой принимает участие сам автор, чревато рядом проблем. Пожалуй, основная из них заключается в трудности контролировать такой фактор, как личность автора, а также найти верную дистанцию между исследователем и предметом его исследования (в данном случае исследователь должен анализировать и себя самого, точнее – портрет самого себя, реконструированный через призму текста). Наверное, поэтому использование любой "персональной" информации по-прежнему редко в социальных науках (ср. [Merton, 1995]).

В случае обмена репликами по поводу теоремы Коуза появляется редкая возможность контролировать влияние личности автора данных строк, ибо для анализа доступны как реплики, сделанные в рамках этой дискуссии [Капелюшников, 2006; 2007; Олейник, 2006; 2007], так и обмен репликами на страницах "*Journal of Economic Issues*", с В. Барнетом, последовавший за публикацией статьи о сетевых структурах [Oleinik, 2004^a; 2004^b; 2005; Barnett, 2004; 2005].

Дискуссия о теореме Коуза развернулась на "стыке" между пространством социэкономике (Олейник) и неоклассической экономической теории (Капелюшников), тогда как обмен репликами о сетевых структурах – на "стыке" между, с одной стороны, экономической историей и советологией (В. Барнет), и с другой – институциональной эко-

³ Необходимо уточнить, что публикации в академических журналах на Западе рецензируются членами редколлегии и двумя (или более) внешними рецензентами, которым обычно – но не в случае с AER – высылается текст без указания имени автора и ссылок на его работы. Авторы не знают, кто рецензирует их тексты, но обычно и рецензенты не знают, чьи тексты они комментируют. Данное правило нацелено на минимизацию влияния личностных отношений или личной репутации.

"Относительная частота упоминания оппонента по имени в тексте"

Текст	Количество упоминаний	Общее количество слов	Частота упоминаний
Barnett, 2004	10	1028	0,0097
Barnett, 2005	16	2222	0,0072
Капелюшников, 2006	42	8618	0,0049
Капелюшников, 2007	95	15469	0,0061
Олейник, 2006	7	8688	0,0008
Олейник, 2007	20	20482	0,001
Oleinik, 2004 ⁶	7	3491	0,0020
Oleinik, 2005	6	2457	0,0024

номикой и социэкономикой (Олейник). Таким образом, выборка реплик состоит из восьми текстов, четыре – на русском языке и четыре – на английском.

Тексты реплик были проанализированы с помощью программы для контент-анализа QDA Miner v. 2.0.3, разработанной компанией Provalis Research (Монреаль). Во-первых, была подсчитана относительная частота упоминаний имени оппонента (число упоминаний, в том числе в ссылках на работы оппонента к общему числу слов). Во-вторых, я попытался проанализировать контекст, в котором упоминается имя оппонента (здесь ориентиром был контент-анализ текстов российских политиков, а также документооборота местного органа власти, предложенный в [Ермаков... 2004]). В-третьих, был произведен анализ цитируемых работ с целью ответа на вопрос, каково соотношение ссылок на представителей парадигмы, которую разделяет автор, и на представителей других парадигм.

Критерий частоты упоминания оппонента по имени удобен для оценки степени персонализации дискуссии и ее ориентации на аргументы, формулируемые оппонентом, а не на персоналии. Согласно этому критерию, имя оппонента в среднем упоминается во включенных в выборку текстах от одного раза на каждую тысячу слов до одного раза на каждую сотню слов (см. табл. 1). Можно ли утверждать, что при упоминании имени оппонента, скажем, более одного раза на каждую сотню слов имеет место "переход на личности"? Вряд ли. Ведь многое зависит от формата реплики (в случае моего обмена репликами с Барнетом это были именно краткие реплики размером две–три тысячи слов каждая), даже указание имени оппонента при ссылке на его работу тогда имеет относительно больший удельный вес. Кроме того, важно проанализировать контекст и структуру фраз, в которых оппонент упоминается по имени.

При анализе контекста, в котором упоминается имя оппонента, наиболее распространены два следующих случая. Во-первых, это утверждения фактологического порядка, в которых подчеркивается авторство оппонента в развитии – критикуемом или принимаемом – идей, аргументов или интерпретаций. Такие утверждения, как правило, стилистически нейтральны и лишены эмоциональной окраски:

- "предположение *X* о существовании избирательного сродства между дореволюционной общиной и советским колхозом ошибочно";
- «*x* расширяет определение "локализованных трансакций"»;
- "*Y* поднимает важный вопрос – до каких пределов уместны аналогии при сравнительном историческом и межстрановом анализе";
- "основной аргумент *Y* заключается...";
- "*Z* утверждает, что...";
- "*Z* в своих критических заметках обходит эту проблему, выводя за рамки анализа саму переменную...";
- "выражаясь словами *Y* (далее цитата)".

Во-вторых, это утверждения оценочного характера, в которых на первый план выходит подчеркнуто эмоциональная оценка сказанного оппонентом. В таких фразах активно используются прилагательные и наречия, причем преимущественно негативной окраски. Сама структура фразы призвана явным или неявным образом дискредитировать оппонента в глазах читателя. Здесь наблюдается если не полемический запал, то явление, сходное тому, что было подмечено в дискурсе российских политиков: "Агрессивные речевые акты призваны демонстрировать политическую силу автора-политика и направлены на ниспровержение его оппонентов, понижение их статуса" [Ермаков... 2004, с. 318]:

– "в своей *объемной и детальной* попытке опровергнуть мой *краткий* комментарий *X не увидел леса за деревьями*";

– "Y дважды мистифицирует читателя... *полностью дезориентирует* читателя";

– "Z апеллирует к *совершенно неправдоподобному* условному примеру";

– "мнение X, что в этих условиях обмен невозможен, *совершенно произвольно*";

– "представления Y о научном статусе теоремы Коуза... *удивляют* своей методологической *прямолинейностью*".

Еще одно интересное наблюдение касается вариантов самоидентификации автора реплики. В общем случае он использует безличностные выражения: "будет показано...", подчеркивает свою роль как дискуссанта: "Пишущий эти строки автор хотел бы подчеркнуть" или говорит от своего имени: "Я рассмотрю...". Первые две синтаксические структуры представляются наиболее адекватными для текста, в котором основное внимание уделяется аргументам, а не личностям. Несколько особняком стоит случай, когда автор говорит от имени некоей референтной группы, используя местоимение "мы": "и даже если мы поверим...", "как предположили мы...", "если бы мы даже согласились с критиками..." "Основной формой выражения... сопричастности и единения субъектов речевого пространства является местоимение мы" [Ермаков... 2004, с. 328]. Жаль только, что при этом не уточняется, кого собственно дискуссант включает в референтную группу – себя и читателей? Но тогда на чем основана уверенность в том, что читатель – его роль в прочтении полифонического научного текста сравнима с ролью судьи – примет именно эту сторону в разбирательстве? Представителей неоклассической парадигмы в целом? Или членов конкретной сети персонифицированных отношений, скажем, в Высшей школе экономики?

Что касается отношения числа ссылок на работы представителей иных, чем используемая самим автором, парадигм⁴, к общему числу цитируемых источников, то оно существенным образом варьирует от текста к тексту (от каждой десятой ссылки на "инакомыслящих" до четырех из пяти) и от автора к автору. Данный индикатор используется для приблизительной количественной оценки степени полифоничности текста. Некоторые из авторов, чьи реплики включены в выборку, предпочитают ссылаться прежде всего на работы сторонников "своей" парадигмы. Другие же существенным образом диверсифицируют источники, стремясь придать дискуссии многомерный характер (см. табл. 2).

В результате анализа конкретной дискуссии можно лишь подтвердить "проблемный" характер коммуникации на стыке парадигм. Это проявляется, в частности, в тенденции к переходу на личности и использованию символического насилия (например, в форме вербальной агрессии). Однако все авторы в той или иной мере выходят за рамки только одной парадигмы, цитируя работы, написанные на других "языках", что позволяет надеяться на реальность признания стандарта многопарадигмального, полифонического текста.

⁴ В качестве критерия при кодировании было использовано допущение о принадлежности авторов к конкретным парадигмам, сформулированное выше. Также допускается совершение ненамеренных ошибок при кодировании ряда источников, с которыми кодировщик незнаком (в этом случае решение принималось на основе анализа названия текста и того, где он был опубликован).

Относительная частота цитирования работ, выполненных в иных, чем разделяемая автором, парадигмах

Текст	Всего цитируемых источников	Работы, выполненные в иных, чем разделяемая автором, парадигмах		
		число ссылок	частота цитирования	
Barnett, 2004	3	1	0,33	0,62
Barnett, 2005	5	4	0,80	
Капелюшников, 2006	17	4	0,24	0,14
Капелюшников, 2007	41	4	0,10	
Олейник, 2006	50	28	0,56	0,47
Олейник, 2007	115	49	0,42	
Oleinik, 2004 ⁶	13	6	0,46	
Oleinik, 2005	16	8	0,50	

Метаанализ публикаций о теореме Коуза

Практическим шагом в направлении утверждения многопарадигмального стандарта научного текста может стать применение техники метаанализа (*metaanalysis*). В самых общих чертах она заключается в использовании при написании текста выборки – или генеральной совокупности – публикаций по данному исследовательскому вопросу. Обзор литературы как часть научной статьи давно стал стандартом в западных публикациях. Однако велик риск возникновения искажений при построении выборки, вытекающей из включения в нее прежде всего работ, написанной в рамках парадигмы, близкой автору. Нужно ли замечать, что *неслучайный* характер выборки при проведении социологических опросов существенно снижает валидность получаемых результатов и ограничивает возможности их генерализации? По аналогии, для увеличения валидности анализа обзор литературы должен охватывать близкую по своим параметрам к случайной выборку текстов, что подразумевает анализ текстов, написанных в рамках нескольких парадигм. Стратифицированная (по критерию парадигмы или теории) выборка представляется разумным компромиссом между требованием случайности и необходимостью охвата всех основных подходов к решению конкретной исследовательской задачи.

Существуют несколько версий метаанализа, некоторые из которых позволяют использовать продвинутое методы количественного анализа, что особенно ценно в экспериментальной экономике, эконометрике и других отраслях знания, где активно работают с эмпирическими данными [Vogt, 2006, ch. 17]. Здесь я ограничусь одной из наиболее простых версий, тем не менее достаточной для описания текущего состояния дискуссий о теореме Коуза и для элементарного анализа аргументов.

В выборку публикаций, в которых обсуждается теорема Коуза, были включены 134 статьи, опубликованные в академических журналах в период с 1989 по 24 марта 2007 г. Она построена с помощью электронной базы данных ISI Web of Knowledge v. 3.0. Критерием отбора была комбинация ключевых слов "*Coase theorem*". Ее можно рассматривать как генеральную популяцию статей, комментариев и книжной критики, опубликованных в международно признанных академических журналах на эту тему. В нее не вошли: монографии и коллективные труды, например [North, 1992]; тексты, представленные на конференциях, но впоследствии не опубликованные; препринты. Существование указанных ограничений указывает, что речь идет о весьма репрезентативной, но все же выборке.

Все включенные в выборку источники были подвергнуты количественному анализу с помощью стандартного статистического пакета SPSS v. 14.0. В анализе использовался

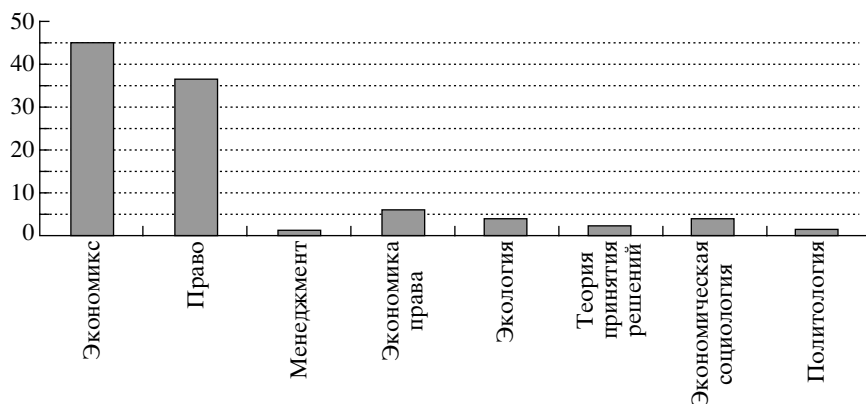

Рис. Распределение публикаций о теореме Коуза по дисциплинам в 1989–2007 гг. (в %).

лись такие переменные, как год публикации, дисциплина, наличие/отсутствие эмпирического теста, результат анализа, институциональный контекст анализа (страна), абсолютное и относительное число ссылок на данную статью в других статьях, включенных в электронную базу данных. Ввиду того, что кодирование осуществлялось только автором, нельзя исключить возможных искажений, особенно при кодировании результатов анализа. Для увеличения надежности результатов было бы необходимо осуществить кодировку того же массива другим специалистом (лучше – несколькими), а затем рассчитать коэффициент согласия между ними (*inter-rater agreement*). Описание программного обеспечения метаанализа и порядка его использования, по аналогии с указанием использованных при проведении эксперимента приборов в естественных науках, представляется важным для последующего сближения "гуманитарного" и естественно-научного (математического) решений проблем межпарадигмальной коммуникации.

Основная часть публикаций в рамках дискуссии о теореме Коуза ожидаемо приходится на экономическую науку: в экономических журналах опубликована почти каждая вторая статья (45,1%, см. рис.). Юристы – авторы статей, опубликованных на страницах специализированных журналов в области права (публикации в области экономики права – *law and economics* – учитывались отдельно), также внесли существенный вклад в обсуждение. Однако дискуссия выходит за рамки и этих двух дисциплин: в ней приняли участие экологи, политологи, социологи, представители наук об управлении и когнитивных наук. Отсюда закономерен вывод о принципиально мультипарадигмальном характере дискуссии.

Важно также оценить степень согласия между представителями одной и той же дисциплины, чтобы на этой основе судить о ее близости к модели парадигмальной или, наоборот, мультипарадигмальной науки. Такая оценка поможет лучше понять дискуссии не только *между* экономистами и юристами, но и *внутри* экономики или юриспруденции. Р. Мертон и Г. Цукерман операционализировали степень парадигмальности через долю статей, посланных в академические журналы, авторам которых было отказано в публикации по результатам внутреннего и внешнего рецензирования. При соблюдении всех формальностей "слепого" рецензирования (автору неизвестно имя рецензента, рецензенту – имя автора) доля отклоненных публикаций уменьшается по мере приближения к модели парадигмальной науки. По состоянию на конец 1960-х гг. наиболее близкими к модели парадигмальной науки были биология, химия и физика (24% отказов), за ними следовали математика и статистика (50%), экономике (69%), социология (78%). Наиболее мультипарадигмальными оказались литература (86%) и история (90%) [Merton, Zuckerman, 1973, p. 470–472].

Среднее число ссылок на публикации экономистов и юристов о теореме Коуза⁵

Среднее число публикаций в год	Дисциплина	N	Среднее арифметическое	Стандартное отклонение	Стандартная ошибка средней
	Экономика	60	1,0161	3,80195	0,49083
	Право	48	3,0066	4,69785	0,67808

Собранные данные не позволяют судить о доле отказов в публикации статей о теореме Коуза, однако с их помощью можно рассчитать относительную частоту цитирования текста (число ссылок на источник, разделенное на количество лет, прошедших с момента его публикации). Величина этого индикатора также свидетельствует о наличии и устойчивости согласия между представителями одной и той же дисциплины. Результаты оказались в некотором смысле неожиданными: среди экономистов согласия по поводу теоремы Коуза *меньше*, чем среди юристов. Среднее число ссылок на статьи, опубликованные по этой теме в экономических журналах, в три раза меньше среднего числа ссылок на статьи в юридических изданиях (одна ссылка против трех), причем это различие между средними арифметическими статистически значимо при $\alpha = 0,05$ (см. табл. 3). И это при том, что по стилю статьи юристов подчас ближе к литературным эссе, а по размерам занимают десятки страниц, что извиняло бы неготовность читать и тем более ссылаться на них.

Для выяснения причин столь заметного отсутствия согласия среди экономистов стоит обратить внимание на использованную в их текстах процедуру анализа.

Как известно, теорема Коуза никогда не была доказана формальным образом. При ее обсуждении основное внимание экономистов по-прежнему привлекает сама ее логика, а не эмпирические тесты. Большая часть статей (53,3%), опубликованных в экономических журналах, посвящена аналитическому тестированию теоремы (в частности, анализу эффектов изменения тех или иных ее предпосылок), тогда как юристам более близки практические вопросы и, как следствие, наиболее популярен среди них анализ случаев (*case study*). Он встречается в 43,2% статей юристов. На результаты игровых экспериментов ссылаются и экономисты (в 18,3% случаев), и юристы (13,5%), но этот метод фальсификации значительно менее распространен. По всей вероятности, более явно выраженная эмпирическая составляющая в текстах юристов о теореме Коуза и объясняет более устойчивый характер согласия между ними. Величина хи-квадрат (χ^2)

⁵ Т – тест для независимых выборок

		Тест Левина относительно равенства отклонений		<i>T</i> -тест относительно равенства средних				
		<i>F</i>	значимость	<i>t</i>	<i>Dt</i> (степени свободы)	значимость (2-х сторонняя)	95% доверительный интервал для разности	
							нижний	верхний
Среднее число публикаций в год	Предположение о равенстве отклонений	3,581	0,061	−2,434	106	0,017	−3,61176	−0,36933
	Предположения о равенстве отклонений нет			−2,378	89,568	0,020	−3,65366	−0,32743

Методы фальсификации теоремы Коуза в зависимости от дисциплины

Эмпирический тест		Экономика	Право	Другая дисциплина	Всего
Нет	Частотность	2	1	1	4
	%	3,3	2,7	4,0	3,3
Анализ случая (case study)	Частотность	9	16	12	37
	%	15	43,2	48	30,3
Эконометрический тест	Частотность	6	0	1	7
	%	10	0	4	5,7
Аналитический тест	Частотность	32	15	9	56
	%	53,3	40,5	36	45,9
Экспериментальная проверка игровой модели	Частотность	11	5	2	18
	%	18,3	13,5	8	14,8
Всего	Частотность	60	37	25	122
	%	100	100	100	100

Легенда: хи-квадрат (χ^2) равен 16,310, $df = 8$, значим при $p = 0,038$.

при $\alpha = 0,05$ подтверждает существование зависимости между дисциплиной и процедурой проверки теоремы Коуза (см. табл. 4).

Хотя нет достаточных оснований говорить о статистически значимом влиянии переменной "дисциплина" на акцентирование тех или иных условий, при которых выполняется или не выполняется теорема Коуза, даже описание представляет определенный интерес. Примечательно, что авторы статей не ограничивают список допущений, из которых выводится теорема Коуза, только равенством нулю транзакционных издержек и полностью специфицированными правами собственности [Капелюшников, 2007, с. 6–8]. В рамках дискуссии активно обсуждаются проблемы торга (включая отказ от вступления в торг и стратегическое поведение), эффект дохода, склонность сторон конфликта к риску, различия между готовностью заплатить и готовностью принять плату (*endowment effect*) и т.д. Я объединил частные допущения в три группы основных условий, влияющих, по мнению участников дискуссии, на перспективы выполнения теоремы Коуза:

- проблемы, связанные с иницированием и ведением торга (сюда же были отнесена склонность к риску: эта переменная влияет на ход переговоров [Zivin, Small, 2003]);
- эффект дохода (сюда были отнесены и упоминания различия между готовностью заплатить и готовностью принять плату);
- стандартные – для экономистов-неоклассиков – условия, такие как величина транзакционных издержек (информационные издержки являются, как известно, одним из типов транзакционных издержек, что объясняет включение в эту категорию и вопросов асимметрии информации) и степень спецификации и защиты прав собственности.

Интересно отметить, что юристы отличаются от экономистов большим вниманием эффекту дохода, тогда как проблемы иницирования и ведения переговоров акцентируются ими относительно реже (см. табл. 5)⁶.

⁶ Отмечу, что среднее число ссылок на статьи, в которых обсуждаются проблемы иницирования и ведения переговоров, более чем в два с половиной раза превышает аналогичный показатель для статей с обсуждением транзакционных издержек и степени спецификации прав собственности (2,44 против 0,95). Однако ввиду ограниченности размеров выборки в этом случае ($N_{bargaining} = 24$) различие между средними арифметическими не достигает уровня статистической значимости (значимо при $p = 0,14$).

Таблица сопряженности: дисциплина и условия выполнения теоремы Коуза

Условия выполнения		Экономика	Право	Другая дисциплина	Всего
Проблемы ведения переговоров и раз-деления излишка	Частотность	14	4	6	24
	%	29,8	19	27,3	26,7
Эффект дохода	Частотность	7	6	5	18
	%	14,9	28,6	22,7	20
Трансакционные издержки	Частотность	26	11	11	48
	%	55,3	52,4	50	53,3
Всего	Частотность	47	21	22	90
	%	100	100	100	100

* * *

Институциональная организация науки, в частности мульти- и не-парадигмальный характер ряда дисциплин, "укорененность" исследований в научных школах и "сетях" личностных отношений, обуславливает проблемный характер научной коммуникации. Язык, понятный большинству ученых, отсутствует даже в рамках отдельных дисциплин. Частично решить проблемы научной коммуникации возможно при условии нахождения общего знаменателя между значимым (результатом, методологией анализа и так далее) для разных парадигм.

Известно, как минимум, две стратегии поиска общего знаменателя и выработки общего языка для научной коммуникации. Во-первых, это стратегия математизации анализа и представления результатов. Во-вторых, это формулировка всеобщих принципов на основе гуманитарного знания, предложенная Бахтиным. В данной статье предпринимается попытка сделать шаг по направлению к их сближению на основе метаанализа публикаций по одному из наиболее активно дебатированных сюжетов в экономической теории – теореме Коуза.

Метаанализ должен стать обязательным элементом обзора литературы как структурного элемента научных публикаций, ибо в противном случае высок риск искажений в выборке используемых источников в пользу парадигмы, разделяемой самим автором и в ущерб альтернативным подходам к решению данной исследовательской проблемы. При принятии метаанализа в качестве стандарта появляется возможность придать конфликтам в научной среде более цивилизованный характер и обеспечить дополнительную свободу в проведении исследований, ослабив зависимость граждан "республики писем" (*republic of letters*) от школ и "сетей".

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1979.
 Библер В.С. Михаил Михайлович Бахтин, или Поэтика культуры. М., 1991.
 Григорьев В.П. Диалогическая (не)интеллигентность // Общественные науки и современность. 2004. № 1.
 Ермаков С.В., Ким И.Е., Михайлова Т.В., Осетрова Е.В., Суховольский С.В. Власть в русской языковой и этнической картине мира. М., 2004.
 Ильенков Э.В. Диалектика абстрактного и конкретного в "Капитале" Маркса. М., 1960.
 Институциональная экономика: учебник. М., 2005.
 Капелюшников Р.И. И еще раз – о теореме Коуза (критические заметки) // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2006. Т. 4. № 3.
 Капелюшников Р.И. Новая атака на теорему Коуза. Препринт WP3/2007/01. М., 2007.

Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии, 1920–1930 годы. СПб., 1999.

Либман А.М. Экономическая теория и социальные науки об экономике: некоторые направления развития. М., 2007.

Олейник А.Н. В заточении в башне из..? (к вопросу об институциональной организации науки) // Вопросы экономики. 2002. № 9.

Олейник А.Н. Дефицит общения в науке: институциональное объяснение // Общественные науки и современность. 2004. № 1.

Олейник А.Н. О трудностях сосуществования: границы решения проблем нежелательного соседства в свете теоремы Коуза // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2006. Т. 4. № 3.

Олейник А.Н. Socioeconomics v the Coase theorem: продолжение слушаний. Неопубликованный текст. 2007.

Barnett V. Institutions, Network Relations and Economic Systems: A Counter to Oleinik's Reply // Journal of Economic Issues. 2005. Vol. 39. № 3.

Barnett V. The Russian Obshchina as an Economic Institution // Journal of Economic Issues. 2004. Vol. 38. № 4.

Bryman A., Teevan J.J. Social Research Methods. Don Mills, 2005.

Collins R. The Sociology of Philosophies: A Global Theory of Intellectual Change. Cambridge, 1998.

Etzioni A. The Moral Dimension: Towards a New Economics. New York, 1988.

Friedman M. The Methodology of Positive Economics // Readings in Microeconomics. New York, 1968.

Kripke S.A. Wittgenstein: On Rules and Private Language. Oxford, 1982.

Lee F. From the Editor // Heterodox Economic Newsletter. 2007. Issue 42 // <http://l.web.umkc.edu/leefs/htn42.htm>.

Merton R.K. The Thomas Theorem and the Matthew Effect // Social Forces. 1995. Vol. 74. № 2.

Merton R.K., Zuckerman H. Institutionalized Patterns of Evaluation in Science // *Merton R.K.* The Sociology of Science: Theoretical and Empirical Investigations. Chicago, 1973.

North G. The Coase Theorem: A Study in Economic Epistemology. Tyler, 1992.

Oleinik A. A Model of Network Capitalism: Basic Ideas and Post-Soviet Evidence // Journal of Economic Issues. 2004^a. Vol. 38. № 1.

Oleinik A. On Universal versus Specific Categories of Network Capitalism: A Reply to V. Barnett's Note // Journal of Economic Issues. 2004^b. Vol. 38. № 4.

Oleinik A. "Small" Society and Networks: On the Meaning Lost in Semiotic Translation // Journal of Economic Issues. 2005. Vol. 39. № 3.

Stiglitz J.E. Whither Socialism? Cambridge, 1994.

Vogt P.W. Quantitative Research Methods for Professionals in Education and Other Fields. Boston, 2006.

Voltaire. Essai sur les probabilites en fait de justice // Les oeuvres completes de Voltaire. Vol. 74A. Oxford, 2006.

Zivin J., Small A. Risk Sharing in Coasean Contracts // Journal of Environmental Economics and Management. 2003. Vol. 45. № 2.